

Восприятие старения населения и дискриминация по возрасту в странах ЕС

Итка Рыхтаржикова¹

¹ Карлов университет, Прага, 128 43, Чехия

Получено 12 August 2019 ♦ Принято в печать 25 November 2019 ♦ Опубликовано 30 December 2019

Цитирование: Rychtaříková J (2019) Perception of population ageing and age discrimination across EU countries. Population and Economics 3(4): 1–29. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e49760>

Аннотация

Старение населения является одним из основных демографических вызовов, с которыми сталкивается Европейский союз в XXI в. Старение как демографический феномен может вызывать негативное отношение к лицам пожилого возраста, включая их дискриминацию. Стереотипы и предвзятость, связанные с возрастом, могут приводить к дискриминации по возрасту, которая получила название «эйджизм». Исследование посвящено вопросу восприятия эйджизма в отношении пожилых людей в 25 странах ЕС на основе данных обследования *Special Eurobarometer N 437*, проведенного в 2015 г. в рамках европейской программы *Eurobarometer*. Аналитический раздел содержит описательные выводы и результаты трех многоуровневых регрессионных моделей, охватывающих три области (зависимые переменные) ощущаемого эйджизма: 1) дискриминация в целом; 2) дискриминация во время экономического кризиса; 3) дискриминация при избрании или назначении пожилых на высшие государственные должности. Двухуровневая регрессия позволила одновременно моделировать воздействие как на индивидуальном (пол, возраст, состояние в браке, социальный класс и удовлетворенность жизнью), так и на страновом уровне (ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет, воспринимаемое начало пожилого возраста и индекс развития человеческого потенциала). Личные характеристики оказывают гораздо более сильное влияние на воспринимаемый эйджизм, чем страновой контекст. Восприятие эйджизма в целом наблюдалось в основном в предпенсионном возрасте, однако возрастная структура не была одинаковой во всех трех регрессионных моделях. В статье ставится под сомнение часто упоминаемый градиент Восток–Запад, поскольку географическая картина распространения воспринимаемого эйджизма в Европе является довольно неоднозначной.

Ключевые слова

старение населения; восприятие возраста; дискриминация по возрасту; Европейский союз.

Коды JEL: J11, J14, J16

Старение населения – один из главных вызовов XXI в.

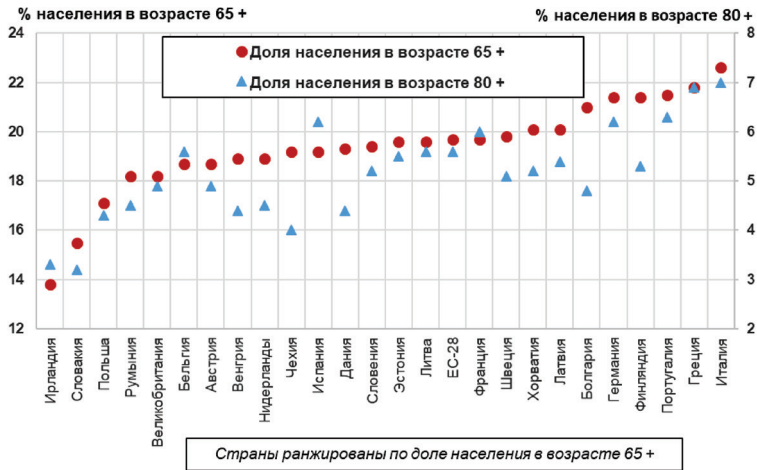
В исследовании поставлена двоякая цель: во-первых, кратко описать основные тенденции, связанные со старением населения, и, во-вторых, в качестве ключевого вопроса рассмотреть тему дискриминации по признаку старости в Европе.

Численность и возрастной состав населения определяются тремя демографическими процессами: рождаемостью, смертностью и миграцией. Изменение возрастной структуры при увеличении доли населения в возрасте 60 или 65 лет и старше называется старением населения. В развитых странах человек в возрасте 65 лет считается пожилым, поскольку пенсионные системы обычно рассматривают данный возраст как обычный возраст выхода на пенсию. Снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни – это ключевые факторы старения населения, в то время как миграция в меньшей степени способствует этому явлению. Старение населения представляет собой наиважнейшую демографическую проблему, с которой сталкивается Европейский союз в XXI в.

Социальные и экономические последствия такого исторически беспрецедентного развития скажутся на любом из нас. Изменение возрастной структуры вызывает обеспокоенность по поводу жизнеспособности межпоколенных систем социальной поддержки в долгосрочной перспективе: поскольку люди живут все дольше, пенсии и другие социальные пособия должны распределяться на более длительный период времени, что вызывает необходимость существенного изменения систем социального обеспечения для сохранения их эффективности. Увеличение продолжительности жизни может также привести к росту расходов на медицину и повышению спроса на услуги системы здравоохранения, поскольку пожилые люди, как правило, более уязвимы в том, что касается хронических болезней [Доклад по проблемам старения..., 2018]. Это может вызывать негативное отношение и приводить к дискриминации в отношении лиц пожилого возраста. Однако недавние исследования показывают, что рост средней продолжительности жизни также ведет к улучшению состояния здоровья. У сегодняшних пожилых людей показатели инвалидности ниже по сравнению с людьми того же возраста в предыдущие десятилетия, и есть свидетельства того, что снижение когнитивной функции также откладывается на более поздний возраст [Sanderson, Scherbov, 2008]. Следовательно, понятие «оставшихся лет жизни» со временем менялось и с количественной, и с качественной точки зрения.

Измерение старения населения (доля населения в возрасте 65 лет и старше) основано на хронологическом (ретроспективном) возрасте, т.е. на количестве уже прожитых лет (если исходить из того, что все лица одного и того же возраста похожи по своим характеристикам). Такой подход считается ретроспективным [Сандерсон, Щербов, 2007]. Новая концепция возраста, основанная на ожидаемом количестве лет предстоящей жизни (проспективный возраст), представляет собой перспективную меру, позволяющую по-новому взглянуть на процесс и темпы старения населения. При измерении старения на основе времени, которое осталось прожить, более быстрое увеличение продолжительности жизни человека может даже привести к замедлению старения населения [Sanderson, Scherbov, 2015]. Эта новая концепция может применяться при расчете коэффициентов демографической нагрузки пожилыми. Традиционный подход обычно определяет нагрузку пожилыми (*old age dependency ratio, OADR*) как соотношение между численностью населения в возрасте 65+ и в возрасте 20–64 и использует возраст 65 лет в качестве фиксированного начального возраста «нагрузки», хотя многие люди в возрасте 65 лет и старше ведут независимую и активную жизнь. Новая (проспективная) возрастная интерпретация позволяет выразить коэффициент проспективной демографической нагрузки пожилыми (*POADR*) как коэффициент, при расчете которого возраст начала иждивенчества является динамичным и специфическим для каждой страны, равным тому возрасту, в котором индивида ожидает определенное число лет предстоящей жизни (в настоящее время оно принято равным 15 годам для всех стран). Таким образом, *POADR* представляет собой отношение численности населения старше этого возрастного порога к численности населения в возрасте от 20 лет до этого порога [Sanderson, Scherbov, 2008].

В настоящее время почти в каждой стране наблюдается рост численности и доли пожилых людей в населении. В предстоящие десятилетия доля пожилых людей в общей численности населения значительно возрастет. Оглядываясь назад, мы видим, что ни в одной стране доля населения в возрасте 65 лет никогда не превышала 11% (исключение составил

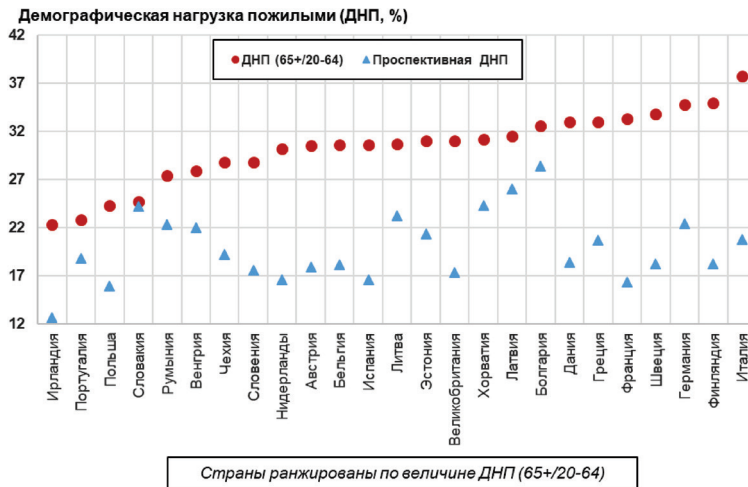

Рис. 1. Доля населения в возрасте 65 лет и старше и 80 лет и старше на 01.01.2018 г. (% от общей численности населения соответствующей страны). *Источник:* Евростат; страны ЕС с населением более 1 млн человек.

только 1950 г.), но в 2018 г. самые высокие показатели уже составили 27,6% в Японии и 22,8% в Италии [ООН, 2019]. Считается, что старение населения необратимо и оно ожидает население всех стран мира, однако масштабы и темпы, с которыми оно будет происходить, могут варьировать.

Основной причиной старения населения является снижение показателей рождаемости. Снижение рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства (2,1 рождения на женщину) началось в большинстве стран ЕС в середине 1960-х гг., в то время как критические уровни рождаемости (общий коэффициент рождаемости ниже 1,5 или даже менее 1,3) отмечены в последнее время (главным образом, начиная с 1990-х гг.) в Южной Европе и восточноевропейских странах. Заметное снижение показателей смертности было отмечено сначала в молодых возрастах, что привело к омоложению возрастной структуры. Лишь после того, как более многочисленные когорты поднялись в возрастной пирамиде, а улучшение показателей смертности в пожилом возрасте стало существенным (в первую очередь в связи с феноменом, получившим название сердечно-сосудистой революции и обозначившим снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний), снижение смертности было признано в качестве еще одного фактора старения населения [Mésle, Vallin, 2000]. Старение населения, связанное с сокращением числа рождений в нижней части возрастной пирамиды, называется старением снизу, в то время как общее снижение смертности в связи с уменьшением показателей смертности в пожилых возрастах называется старением сверху [Monnier, 2006].

На 1 января 2018 г. население ЕС оценивалось в 512,4 млн человек. Молодые люди (от 0 до 14 лет) составляли 15,6% населения ЕС, тогда как лица трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) составляли 64,7% населения. Доля пожилых людей (в возрасте 65 лет и старше) составляла 19,7%. Следовательно, Европа остается и будет оставаться старейшим регионом в мире на протяжении всего XXI в. Кроме того, пожилое население также стареет, и самые пожилые (*oldest-old*; в возрасте 80 лет и старше) представляют собой наиболее быстро растущую возрастную группу [Eurostat, Database]. На 1 января 2018 г. среди стран – членов ЕС наибольшая доля людей в возрасте 65 лет и старше отмечалась в Италии (22,6%) и Греции (21,8%), в то время как Ирландия (13,8%) и Словакия (15,5%) имели самый низкий показатель (рис. 1).

Рис. 2. Коэффициент демографической нагрузки пожилыми (*Old-age dependency ratio, OADR*) в сопоставлении с коэффициентом проспективной демографической нагрузки пожилыми (*Prospective old-age dependency ratio, POADR*) в 2015 г. *Источник:* Демографические характеристики старения 2018. ПАСА: Лаксенбург, Австрия; Страны ЕС с населением более 1 млн человек.

На рисунке 2 показана и подчеркнута разница между обычным (ретроспективным) (*OADR: 65+/20–64*) и проспективным коэффициентом демографической нагрузки пожилыми (*POADR: порог старости +/20–порог старости*) в 2015 г. Наиболее ярко выраженные различия между *OADR* и *POADR* наблюдаются в Италии, Франции и Финляндии (17 процентных пунктов). Этот новый подход свидетельствует о более низких значениях показателей старения, основанных на проспективном возрасте. Поэтому он инициирует переосмысление и переоценку проблемы старения населения, включая определение возраста выхода на пенсию или потребностей в медицинских и социальных услугах [Ageing Demographic..., 2018].

Старение и эйджизм: восприятие и происхождение

Интенсивное старение населения представляет собой новый исторический опыт человечества и порождает новые вызовы, включая восприятие старения и ожидания в отношении пожилых людей. Этот новый опыт может вызывать негативное отношение и приводить к дискриминации в отношении лиц пожилого возраста. Исследования показывают, что возраст и пол являются наиболее часто упоминаемыми причинами дискриминации в ЕС [Van Heuvel, van Santvoort, 2011]. Восприятие пожилого возраста влияет на поведение и ожидания общества по отношению к пожилым людям [Lockenhof et al., 2009]. Оно может меняться как от одного общества к другому, так и внутри одного общества с течением времени. Преклонный возраст часто ассоциируется с болезнью, инвалидностью и низким статусом, что имеет серьезные негативные последствия для стареющих людей в разных сферах жизни: на работе, в общественных местах, в магазинах или кабинетах врачей [Ayalon, Tesch-Römer, 2018]. Кроме того, в современных обществах развитых стран восприятие пожилого возраста и старения в основном является неблагоприятным, и пожилые люди часто рассматриваются как бремя [Nelson, 2005].

Реализация государственных или частных пенсионных программ обеспечивает экономическую защиту и повышение уровня жизни пожилых людей, но, как это ни парадоксаль-

но, в то же время это усиливает восприятие пожилых людей как неуместных, устаревших, бесполезных и неважных [Dannefer, Shura, 2009]. Эти негативные ценности оправдывают их социальную маргинализацию и изоляцию. Однако в прошлом положение пожилых людей было иным. По словам Ливи Баччи, «старый демографический режим характеризовался не только неэффективностью, но и беспорядком» [Livi-Bacci, 2001: 119].

До первого демографического перехода смерть никак не ассоциировалась с пожилым возрастом, поскольку была высока вероятность того, что ребенок мог умереть раньше своих родителей или даже бабушек и дедушек. В этих традиционных обществах лишь немногие люди наслаждались долгой жизнью, и высокий статус пожилых был своего рода наградой за их долголетие. Позднее в современных обществах развитие медицины и технический прогресс привели к росту продолжительности жизни и увеличению численности пожилых. Сдвиги на рынке труда в результате индустриализации вызвали растущую потребность в молодых сильных работниках, и положение пожилых людей начало ухудшаться.

Потеря пожилыми работниками их статуса в условиях экономической глобализации основана на спросе глобального рынка труда на экономичность, гибкость, адаптируемость и универсальные навыки [Stypińska, Nikander, 2018]. Кроме того, нынешний низкий статус пожилых людей усугубляется более низким уровнем образования в старших поколениях и их «устаревшими» знаниями [Dannefer, Shura, 2009]. Пожилые работники часто рассматриваются как менее восприимчивые к обучению или переподготовке, более дорогостоящие из-за высокой заработной платы и более частого пользования медицинскими льготами. Эти исторические изменения сформулированы в макроуровневой *теории модернизации*, постулирующей потерю социального статуса пожилых в современном мире (по сравнению с традиционным) в результате перехода к промышленному производству, а также достижений в области технологий и медицины. В этой теории также описывается девальвация знаний, основанных на собственном опыте пожилых людей [Ayalon, Tesch-Römer, 2018]. Кроме того, по мере миграции молодежи в города межпоколенные контакты становятся реже, а растущая секуляризация еще больше ослабляет семейные связи [Ayalon, Tesch-Römer, 2018]. Однако есть надежда, что когорты, рожденные во время беби-бума, не потерпят этого негативного восприятия пожилых людей, ставшего почти нормой. Вместо этого, они предполагают вести более активный, продуктивный и успешный образ жизни, который можно было бы называть «инновационным старением» [Dannefer, Shura, 2009].

Сегодня жизнь в пожилом возрасте часто рассматривается как биологический процесс старения из-за постепенного износа организма, а также как ограничение умственных способностей. В целом это проявляется в росте риска заболеваемости и смертности с увеличением возраста. Следовательно, существует стереотипное представление о том, что старость представляет собой однообразный этап окончания жизни, когда люди по большей части больны, зависимы, слабы, некомпетентны, бедны или одиноки. Таким образом, пожилые люди рассматриваются как единая однородная группа, несмотря на различия в их образе жизни.

Исследования показали, что возрастные когнитивные изменения начинаются обычно после 85 лет [Pasupathi, Löckenhoff, 2002]. Тем не менее, похоже, что молодые люди приобретают эйджистские привычки и дистанцируются от пожилых людей в связи с тем, что пожилой возраст ассоциируется у них со смертью и некомпетентностью. Согласно микроуровневой *теории управления страхом (Terror management Theory, TMT)*, пожилые люди служат молодежи напоминанием об их собственной уязвимости и смертности, и таким образом молодые люди пытаются создать буфер, смягчающий их тревогу, связанную со смертью [Ayalon, Tesch-Römer, 2018]. Недавнее пространственное и культурное разделение между возрастными группами общества ведет к возникновению межгрупповых отрицательных эмоций или игнорирования и тем самым способствует формированию стереотипов и предвзятости. Контакты между лицами старше 65 лет и молодыми людьми или детьми становятся реже по сравнению с прошлым [Hagestat, Uhlenberg, 2006].

Такая возрастная сегрегация между молодыми и старыми может вызвать враждебную реакцию относительно внешней группы, что можно объяснить *теорией межгрупповых угроз* (также *теория интегрированных угроз*) [Ayalon, Tesch-Römer, 2018] или *теорией межпоколенческих конфликтов* [North, Fiske, 2013]. Эти теории основаны на трех ожиданиях, которые молодые поколения обычно имеют относительно старших: 1) передача ресурсов от старшего поколения к младшему; 2) ограничение участия пожилых людей в мероприятиях, обычно предназначенных для молодых людей; 3) минимальное потребление общих ресурсов пожилыми поколениями. Часто люди с большей вероятностью отождествляют себя с собственной группой и защищают ее статус от других групп. Эта социальная идентификация является предметом микроуровневой *теории социальной идентичности (SIT)* [Ayalon, Tesch-Römer, 2018].

Возрастные стереотипы и предвзятость могут приводить к возрастной дискриминации, иначе определяемой термином «*эйджизм*» [Kotter-Grühn, 2015]. До того как в середине 1960-х гг. дискриминация по возрасту стала объектом научного интереса, основное внимание уделялось расизму (главным образом, в США) и сексизму [Palmore, 1999; Ayalon, Tesch-Römer, 2018]. В отличие от расы и пола (фиксированных при рождении и постоянных на протяжении всей жизни) старость является частью жизненного цикла каждого человека, все рано или поздно вступят в этот последний этап жизни и, следовательно, им может угрожать дискриминация по возрасту.

Если оглянуться назад в историю, можно увидеть, что определения и понятия «эйджизма» со временем менялись. Р. Батлер первым ввел термин «эйджизм» [Butler, 1969: 243]¹. Позже он писал: «Существует три отличительных, но взаимосвязанных аспекта проблемы старения: 1) предвзятое отношение к пожилым людям, к старости и к процессу старения, включая отношение самих пожилых людей; 2) дискриминационная практика в отношении пожилых людей, особенно в сфере занятости, но также и в других социальных ролях; и 3) институциональная практика и политика, которые часто без злого умысла, увековечивают стереотипные представления о пожилых людях, сокращают их возможности для удовлетворительной жизни и подрывают их личное достоинство. Все три фактора способствовали превращению старения из естественного процесса в социальную проблему, имеющую пагубные последствия для пожилого человека» [Butler, 1980: 8-11]. В настоящее время используется более общее определение: эйджизм определяется как предвзятость или дискриминация (негативная или позитивная) какой-либо возрастной группы. В данной статье термин «эйджизм» будет определяться как дискриминация по отношению к пожилым людям.

Восприятие старения и эйджизма имеет многоаспектный характер и может представлять как позитивный, так и негативный взгляд на проблему возраста. Понятие позитивного и негативного эйджизма впервые было введено Э. Палмором в 1999 г. Он определил девять основных стереотипов, отражающих негативные предрассудки по отношению к пожилым людям: *болезнь; бессилие; уродство; умственная деградация; психическое заболевание; бесполезность; изоляция; бедность; депрессия*. Положительный эйджизм встречается реже. Э. Палмор перечислил восемь основных позитивных стереотипов: *доброта; мудрость; надежность; достаток; политическая власть; свобода; вечная молодость; счастье*.

Сочетание негативных и позитивных стереотипов кратко излагается в *стереотипной модели содержания (Stereotype Content Model, SCM)*, предложенной в 2002 г. [Fiske et al., 2002; Cuddy et al., 2005]. В SCM выдвигается предположение о том, что стереотипы можно классифицировать по двум измерениям: теплота и компетентность. Сочетание обоих измерений создает четыре модальности: 1) *жалость*: высокая теплота + низкая компетентность;

¹ Эйджизм определяется как субъективный опыт, основанный на популярном понятии разрыва между поколениями. Предвзятость людей среднего возраста по отношению в данном случае к пожилым или по отношению к молодежи – в других случаях, являются серьезной национальной проблемой. Эйджизм отражает глубокое беспокойство части лиц в молодых и средних возрастах – личное отвращение к старости, болезни, инвалидности, боязнь беспомощности, «бесполезности» и смерти.

б) *зависть*: высокая компетентность + низкая теплота; в) *восхищение*: высокая теплота + высокая компетентность; г) *презрение*: низкая теплота + низкая компетентность. Сочетание низкой компетентности с высокой теплотой (модель «жалость») соответствует «псевдопозитивным» привычкам пожилых людей [Нельсон, 2005] и, следовательно, создает патерналистский стереотип, не позволяющий другим брать на себя ответственность за свою жизнь [Fiske et al., 2002; Cuddy et al., 2005]. Положительные или отрицательные возрастные стереотипы, присущие пожилым людям, могут оказывать благотворное или пагубное воздействие на их умственные и физические способности. *Теория воплощения стереотипов* гласит, что долговременное воздействие эйджистских стереотипов на человека приводит к самоэйджизму. Эти негативные стереотипы, которые пожилые люди имеют в отношении своей возрастной группы, могут затем оказывать отрицательное влияние на состояние их здоровья [Levy, 2003].

В следующем разделе воспринимаемый эйджизм по отношению к пожилым людям в 25 странах¹ ЕС рассматривается с трех точек зрения: а) *восприятие дискриминации в целом*; б) *дискриминация по возрасту в трудные экономические времена*; в) *предвзятость по отношению к старшим должностным лицам пожилого возраста*. Результаты обсуждаются в рамках вышеуказанных теорий и других исследований.

Эйджизм в ЕС: материалы и методы

Отношение и стереотипы людей формируются и на индивидуальном, и на общественном уровнях. *Индивидуальные характеристики*, такие как пол, возраст, социально-экономическое положение и т.д., могут влиять на критерии оценки людей. *Общественный контекст* может формировать отношение к старости. Поскольку страны Европы неоднородны по политическому, социально-экономическому и культурному контексту, важно помимо индивидуальных характеристик оценить влияние различий между странами. Изучение дифференциации между объясняющими переменными макро- (странового) и микро- (индивидуального) уровня позволяет понять, в какой степени вариабельность эйджистских высказываний обусловлена социально-культурными особенностями страны, а в какой степени ее можно объяснить индивидуальными различиями.

Данное исследование в первую очередь касается вопроса **воспринимаемого эйджизма** по отношению к пожилым людям, поэтому в нем не рассматривается эйджизм, пережитый на собственном опыте. Воспринимаемая дискриминация определяется как представление индивида о несправедливом обращении со стороны других лиц из-за своих личных качеств, а также из-за странового контекста. Мы использовали данные для 25 стран ЕС, в которых в 2015 г. было проведено обследование *Special Eurobarometer N 437*. Респонденты представляют постоянно проживающее население в возрасте 15 лет и старше². Данные обследования Eurobarometer представляют собой самую современную международную базу данных³, которая включает информацию об эйджизме, а также об отношении к сексизму, расизму, ЛГБТ и т.д. Респондентам было разъяснено определение дискриминации, когда к какому-либо лицу или группе лиц относятся менее благосклонно, чем к другим, из-за их индивидуальных характеристик. Из числа респондентов из 25 стран (около тысячи в каждой стране) были выбраны только те, чьи анкеты были полностью заполненными. Исключение респондентов, не указавших свои социально-экономические характеристики, несколько уменьши-

¹ Мальта, Кипр и Люксембург были исключены из-за небольшой численности населения, что могло отражать особый социальный климат

² Методологию и техническую спецификацию обследования можно найти в специальном отчете *Special Eurobarometer 437*.

³ В предыдущих исследованиях в основном использовались данные четвертого раунда Европейского социального обследования 2008 г.

ло изначальную выборку (приложение 2). Следующее сокращение было связано с категорией «затрудняюсь ответить». Итоговое число наблюдений по трем видам дискриминации было следующим: 23 872 (*восприятие дискриминации в целом*); 22 421 (*дискриминация по возрасту в трудные экономические времена*); 22 728 (*возрастная предвзятость в отношении должностных лиц пожилого возраста*).

Для понимания контекстуальных различий между странами соответствующие переменные на страновом уровне собирались независимо от данных обследования Eurobarometer. Доступные статистические макроданные часто отражают общие основополагающие факторы (например, уровень экономического развития). Наша цель заключалась в выборе релевантных показателей макроуровня, которые могли бы предоставлять уникальную информацию и были бы статистически значимыми, по крайней мере, в одной из трех окончательных регрессионных моделей. Сначала мы выбрали следующие макропоказатели: доля населения в возрасте 55 лет и старше, проспективная доля пожилых, ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет для обоих полов, предполагаемое начало старости, коэффициент демографической нагрузки пожилыми (*OADR*), коэффициент проспективной демографической нагрузки пожилыми (*POADR*), валовой внутренний продукт на душу населения по реальной покупательной способности (ВВП РПС), коэффициент Джини, индекс активного старения (*AAI*), индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) и индикатор человеческой жизни (*HIL*). Двумерная корреляция вышеупомянутых показателей с тремя зависимыми переменными показала, что: а) доля респондентов, считающих, что дискриминация по возрасту лиц старше 55 лет является весьма или довольно распространенной; б) доля лиц, заявляющих, что для преодоления экономического кризиса люди в возрасте 55 лет и старше должны быть исключены из мер поддержки (ответ – «определенно да»); с) доля людей, заявляющих, что они не будут чувствовать себя комфортно, если на высшем выборном политическом посту будет лицо старше 75 лет, наиболее сильно коррелируют с ожидаемой продолжительностью жизни в возрасте 55 лет для обоих полов, предполагаемым началом старости и индексом развития человеческого потенциала:

- *Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет* измеряет число лет, которые предстоит прожить человеку, достигшему этого возраста. Показатель также дает представление о состоянии здоровья «старших взрослых» в той или иной стране. Пороговый показатель в 55 лет был выбран, поскольку информация о дискриминации, представленная в рамках обследования Special Eurobarometer N 437, касалась лиц в возрасте 55 лет и старше. (Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет была взята из *Human Mortality Database* за 2015 г.)
- *Предполагаемый возраст начала старости* использовался в качестве индикатора возрастного самоопределения. Этот показатель был выбран вместо обычного официального возраста выхода на пенсию, поскольку хронологический возраст относит человека к определенной возрастной группе, и пожилые люди, не ощущая себя старыми, могут, тем не менее, применять к себе сложившиеся в других возрастных группах негативные стереотипы. Это может впоследствии нанести ущерб их физическому и психическому здоровью. (Данные взяты из *Special Eurobarometer N 378* и относятся к 2012 г.)
- *Индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП) представляет собой интегральное измерение средних показателей достижения в ключевых аспектах развития человеческого потенциала (долгая и здоровая жизнь, обладание знаниями и достойный уровень жизни) той или иной страны, без учета уровня экономического развития. ИРЧП не отражает неравенства, нищеты, безопасности человека, расширения прав и возможностей и т.д. (Данные 2015 г. [Human Development..., 2016], и все страны относятся к группе с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала.)

Затем три отобранных страновых **макропоказателя** были увязаны с нижеперечисленными микроданными обследования. Для регрессионного моделирования **индивидуальные (микро-) переменные** были преобразованы в категориальные переменные с использова-

нием схемы последующего референтного кодирования (референтные категории выделены жирным шрифтом):

- *Пол* (женщины сравниваются с мужчинами; *мужчины приняты за референтную группу*). Женщины подвергаются еще и риску гендерного эйджизма, что удваивает угрозу, поскольку дискриминация по признаку и возраста, и пола ведет к повышенной уязвимости [Krekula et al., 2018]. Следовательно, мы можем предположить, что женщины будут находиться в более маргинализованном положении по сравнению с мужчинами.
- *Возраст* (15–24 (*референтная группа*), 25–34, 35–44, 45–54, 55–64, 65–74, 75+). Возраст обычно воспринимается как показатель способностей, компетентности, навыков и т.д. Возрастная категория также показывает, в какой степени люди выражают свои эйджистские взгляды. Члены любой стигматизируемой группы (пожилые люди), могут ожидать, что другие будут их воспринимать негативно и применять к себе эти негативные стереотипы [Vauclair et al., 2016]. Поэтому предполагается, что частота воспринимаемой дискриминации увеличивается с возрастом.
- *Семейное положение* (в браке, в том числе повторном / в партнерском союзе; (*референтная группа*), разведен или разошедшийся, овдовевший, холостой). Многие пожилые люди страдают от одиночества, что может иметь пагубные последствия для физического и психического здоровья. Пожилые люди, живущие одиноко, могут испытывать недостаток социальных связей и отношений, вследствие чего они становятся социально отчужденными или теряют статус [Shiovitz-Ezra et al., 2018].
- *Социальный класс* (средний класс (*референтная группа*), рабочий класс, нижний средний класс, верхний средний класс, высший класс). С возрастом люди часто переходят в группы более низкого социального статуса, что может повлиять на их психологическое здоровье и, следовательно, увеличить частоту возникновения тревоги и депрессии [Green, Benzeval, 2010]. Навязанные чувства дискриминации по возрасту сначала были отмечены у бывших работников физического труда. Социально-экономический статус или социальный класс и уровень образования взаимосвязаны. Социальный класс отражает нынешнее положение человека в обществе, в то время как образование может быть менее точным индикатором этого положения. По этой причине мы выбрали социальный класс для нашего анализа.
- *Удовлетворенность жизнью* (очень доволен (*референтная группа*), вполне удовлетворен, не очень удовлетворен, совсем не удовлетворен). Более высокие уровни воспринимаемой дискриминации, как правило, связаны с более низкой удовлетворенностью жизнью, даже после контроля возраста, пола и других переменных [Kim, Kang, 2017].

Три регрессионные модели оценивают три различных вида воспринимаемой дискриминации в отношении пожилых людей и специфицируются с помощью следующих зависимых переменных: 1) дискриминация в целом по отношению к лицам в возрасте 55+; 2) дискриминация по отношению к лицам в возрасте 55+ во время экономического кризиса; 3) дискриминация при избрании пожилого человека (75+) высшим должностным лицом. Набор независимых переменных одинаков для всех трех моделей: на индивидуальном уровне – категориальные предикторы (*пол, возраст, состояние в браке/партнерстве, социальный класс и удовлетворенность жизнью*) и на страновом уровне – ковариаты (*индекс развития человеческого потенциала, ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет, воспринимаемое начало преклонного возраста*). Многоуровневое моделирование дает лучшие результаты в тех случаях, когда данные сгруппированы в кластеры, поскольку на мнение индивида может оказывать влияние страновой контекст [Singer 1998; Bell et al., 2013]. Данный метод также позволяет одновременно моделировать воздействие на индивидуальном и страновом уровнях. Таким образом, воспринимаемая дискриминация является результатом индивидуальных особенностей, а также некоторых переменных на национальном уровне.

Для моделирования данных эффектов было использовано программное обеспечение SAS 9.4 (линейные смешанные модели, *Linear Mixed Models, LMM*, процедура *mixed*). Для

того чтобы максимизировать объяснительную силу модели, в качестве предикторов использовались лишь те переменные, которые были теоретически более близкими к центральной тенденции (*most central theoretically*) и статистически значимыми. Для оценки параметров использовались категориальные индивидуальные микропредикторы и непрерывные страновые макропредикторы, преобразованные в Z-оценки. Коэффициенты взаимодействия переменных были статистически незначимыми, поэтому модель ограничивается только главными эффектами. Была применена двухуровневая модель (уровень 1 = респонденты, уровень 2 = страны) со случайной константой (*intercept*, которая может меняться от страны к стране). Это решение подкреплялось тем фактом, что при попытке выполнить моделирование случайных констант (*intercept*) и случайных коэффициентов регрессии (*slope*) статистически значимыми являются только случайные константы, в то время как все эффекты коэффициента регрессии незначимы. Для оценки параметров использовался метод максимального правдоподобия (*maximum likelihood, ML*), дающий лучшие результаты для несбалансированных данных. Все три регрессии начинаются с «безусловной» модели или модели «только средние», затем добавляются следующие переменные: 1) предикторы макроуровня; 2) переменные микроуровня; 3) макро- и микропеременные; 4) конечная модель, включающая только значимые предикторы. Внутрикласовый коэффициент корреляции (ICC: отношение между межкластерной и общей дисперсией) показывает, насколько общая вариация результата объясняется межстрановыми различиями. Коэффициент внутрикласовой корреляции принимает значения от 0 до 1¹. Набор данных на страновом уровне с соответствующими переменными по странам приведен в приложении 1, а описания на индивидуальном уровне приводятся в приложении 2.

Три различных показателя предполагаемой дискриминации в отношении пожилых людей включены в качестве зависимых переменных в многоуровневые регрессионные модели:

- **Восприятие дискриминации в целом** – ответ на то, в какой степени дискриминация широко распространена. Вопрос: *Не могли бы вы сказать мне, является ли, по вашему мнению, дискриминация лиц старше 55 лет по возрасту очень распространенной, довольно распространенной, довольно редкой или очень редкой в вашей стране?* Кодировка: 1 – не существует; 2 – очень редко; 3 – довольно редко; 4 – довольно распространена; 5 – очень распространена. Число респондентов – 23 872.
- Следует ли применять **дискриминацию** в отношении лиц старше 55 лет **в трудные времена или в условиях экономического кризиса**. Вопрос: *Считаете ли вы, что меры по борьбе с экономическим кризисом и политика содействия преодолению кризиса исключают людей в возрасте 55 лет и старше?* Кодировка: 1 – нет, определенно нет; 2 – нет, не очень; 3 – да, в какой-то степени; 4 – да, определенно. Число респондентов – 22 421.
- В какой степени **дискриминация** имеет место **при избрании лица старше 75 лет** на высший политический пост. Вопрос: *По шкале от 1 до 10, пожалуйста, расскажите мне, как бы вы отнеслись к тому, что человек старше 75 лет занимает высшую выборную политическую должность?* Кодировка: 1 – совершенно спокойно; 2, 3, ..., 7, 8, 9, 10 – совершенно не спокойно. Число респондентов – 22 728.

В отличие от исходного кодирования, коды были реорганизованы в одном направлении: переход от более низкой дискриминации (низкие значения) к более высокой дискриминации (более высокие значения). Ответы *DK* (*don't know*; затрудняюсь ответить) были исключены, что привело к несколько различному числу респондентов в каждой из трех вышеупомянутых моделей.

В аналитическом разделе сначала представлены описательные результаты, а затем результаты многоуровневого регрессионного моделирования.

¹ Если все наблюдения независимы друг от друга, ICC равно 0. В противном случае, если все ответы по наблюдениям во всех группах являются точно одинаковыми, ICC равен 1. Поскольку во всех наших безусловных моделях $ICC > 0,05$, многоуровневый подход уместен для использования.

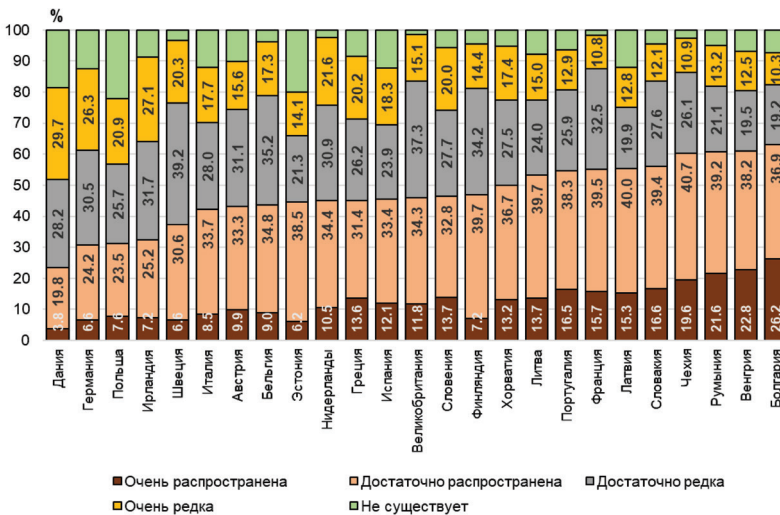
Эйджизм в ЕС: описательные результаты

Было изучено распределение трех различных видов предполагаемой дискриминации в отношении пожилых людей в 25 странах ЕС: а) *восприятие дискриминации в целом*; б) *дискриминация по возрасту в экономически трудные времена*; в) *предвзятое отношение к старшим должностным лицам пожилого возраста*.

Восприятие дискриминации в целом

На рисунке 3 показано ранжирование 25 стран ЕС в соответствии с общим восприятием дискриминации в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше. Доля людей, считающих, что дискриминация в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше является весьма или довольно распространенной, колеблется от 63,1% в Болгарии и 60,3% в Чехии до 23,6% в Дании.

Часто выводы о различиях в ценностях и убеждениях делаются на основе довольно условного деления Европы на Восточную и Западную. В данном случае этот подход неприменим, поскольку, к примеру, Дания и Польша демонстрируют одинаково слабое проявление эйджизма (см. рис. 3). Напротив, Франция (типичная западноевропейская страна), согласно результатам опроса, входит в число «эйджистских» стран наряду с большинством бывших социалистических стран. При этом во всех вышеупомянутых странах показатели старения населения различаются (см. рис. 1). Довольно специфическая ситуация наблюдается в пост-социалистических странах, где восприятие возрастной дискриминации относительно широко распространено (см. рис. 3), несмотря на очень низкую долю населения в возрасте 65+ и 80+ (см. рис. 1). Этот результат может объясняться упреждающим поведением (возможно, пропагандируемым средствами массовой информации). В связи с недавним заметным снижением рождаемости в ближайшем будущем старение населения в регионе будет проходить быстрыми темпами. С учетом того факта, что коэффициент демографической нагрузки зна-

Рис. 3. Восприятие дискриминации пожилых в целом

Сортировка по возрастанию доли ответивших «очень распространена» + «довольно распространена» на вопрос: *Не могли бы вы сказать мне, является ли, по вашему мнению, дискриминация лиц старше 55 лет по возрасту очень распространенной, довольно распространенной, довольно редкой или очень редкой в вашей стране?*

Кодировка: 5 – очень распространена; 4 – довольно распространена; 3 – довольно редкая; 2 – очень редкая; 1 – не существует; число респондентов – 23 872.

Источник: Special Eurobarometer N 437.

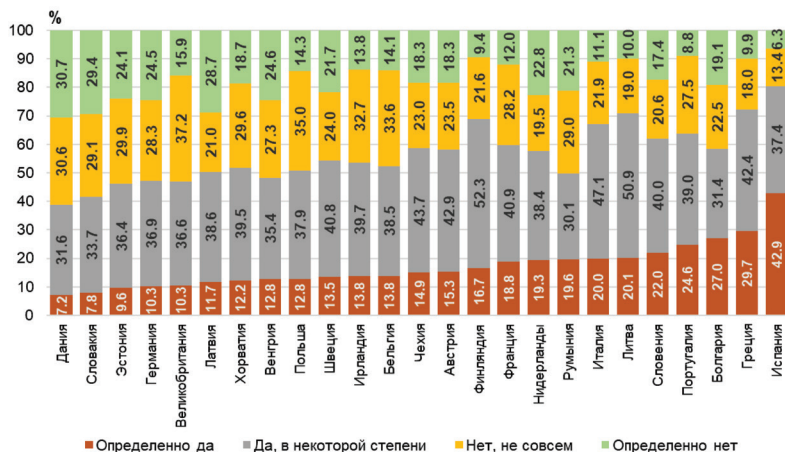
чительно вырос в странах с развитой экономикой, в оборот вошли такие термины, как «демографический кризис», «демографическая паника» или «демографическая бомба замедленного действия» [Mullan, 2002]. В условиях быстрого старения населения эйджистские настроения могут усиливаться, поскольку у людей может сформироваться предвзятость, основанная на страхе за свое собственное материальное благополучие в будущем. Такой образ мыслей иногда может распространяться средствами массовой информации, которые в наши дни играют важную роль в формировании общественного мнения. «Визуальный эйджизм» часто изображает пожилых людей как периферийную или малую социальную группу без положительных признаков и как чрезмерно гомогенизированное сообщество [Loos, Ivan, 2018]. Кроме того, зачастую во внимание принимается лишь «технический» макроэкономический анализ издержек старения и роста расходов, связанных с возрастом (пенсии, здравоохранение, длительный уход); эта тенденция хорошо видна из докладов по проблемам старения, опубликованных Европейской комиссией [The 2018 Ageing Report].

Дискриминация по возрасту в трудные экономические времена

Проявления эйджизма, в первую очередь на рабочем месте, могут усиливаться во время экономических кризисов. Пожилые работники могут восприниматься как более дорого стоящие предприятию и менее эффективные, чем их младшие коллеги, что может еще сильнее усугубить кризис.

В трудные экономические времена усиление дискриминации может проявиться при найме сотрудников в виде отказа в приеме на работу пожилого человека или увольнения кого-либо по причине возраста. Такой вид дискриминации, когда пожилые работники, например, получают меньшую заработную плату, чем молодые, или не получают повышения по службе, называется жесткой дискриминацией. Мягкая дискриминация проявляется в сфере межличностных отношений в виде эйджистских шуток или комментариев, более низкой оценки работы, неуважительного отношения и т.д. [Stypińska, Nikander, 2018].

На рисунке 4 показано местоположение страны в зависимости от возрастной дискриминации, связанной с мерами, которые принимаются в трудные экономические времена

Рис. 4. Дискриминация в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше в период экономического кризиса. Сортировка по возрастанию доли ответивших «Да, определенно» на вопрос: *Считаете ли вы, что меры по борьбе с экономическим кризисом и политика содействия преодолению кризиса игнорируют людей в возрасте 55 лет и старше?*

Кодировка: 4 – да, определенно; 3 – да, в какой-то степени; 2 – нет, не совсем; 1 – нет, определенно нет; число респондентов – 22 421

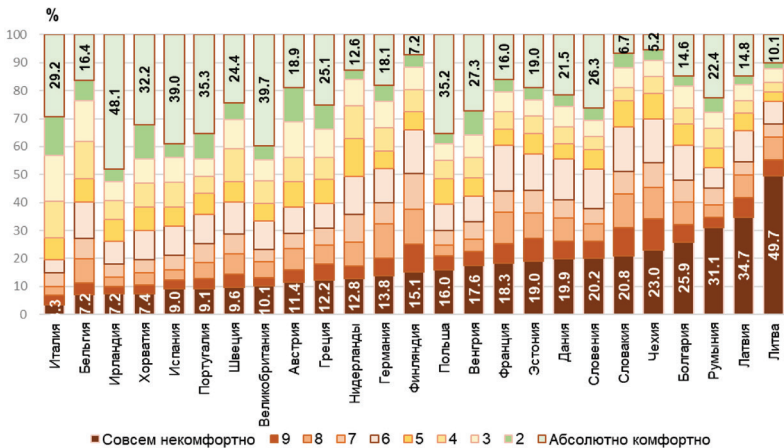
Источник: Special Eurobarometer N 437.

в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше. Возрастающие эйджистские настроения в период экономических трудностей особенно заметны в странах с более высоким уровнем безработицы. В 2015 г. уровень безработицы (доля безработных среди лиц в возрасте 15–74 лет) был равен 20% в Испании и 23% в Греции [Unemployment statistics, 2019]. Коэффициент корреляции между утверждением о том, что к людям в возрасте 55 лет и старше не должны применяться меры по преодолению экономического кризиса (ответ «Да, безусловно»), и уровнем безработицы в 2015 г. составил 0,616 для 25 вышеуказанных стран.

Возрастная предвзятость в отношении высших должностных лиц пожилого возраста

Некоторые пожилые люди сохраняют потрясающие когнитивные способности в свои 70 или 80 лет. В целом, в нормальных условиях пожилые люди демонстрируют хорошие языковые и разговорные способности и даже могут иметь более богатый словарный запас по сравнению с молодыми [Glisky, 2007]. Тем не менее исполнительная когнитивная функция, включающая принятие решений, преодоление проблем, планирование и многозадачность, похоже, снижается с возрастом [Mirman, 2015]. Взрослые люди больше полагаются на свои прошлые знания о проблеме и меньше – на новую информацию. При этом уровень когнитивных способностей очень индивидуален.

Жители шести бывших социалистических стран (Литва, Латвия, Румыния, Болгария, Чехословакия (ныне Чехия и Словакия), Словения), по всей видимости, не желают видеть пожилого человека на высшем политическом посту (рис. 5). Этот результат согласуется с ситуацией в первых четырех странах, где нынешние президенты действительно не очень старые; в Чехии, напротив, президенту был 71 год в 2015 г., когда он был переизбран на второй срок в результате прямых выборов. Напротив, 48% респондентов в Ирландии и почти 40% в Соединенном Королевстве, похоже, полностью устраивают чиновники, занимающие высокие политические должности в возрасте 75 лет и старше. Интересно отметить, что позиция Дании – страны с самым низким уровнем дискриминации – изменилась в пользу более молодых политиков.

Рис. 5. Возрастная предвзятость в отношении высших должностных лиц пожилого возраста. Сортировка по возрастанию доли ответивших «Совершенно неспокойно» на вопрос: *По шкале от 1 до 10, пожалуйста, оцените, как бы вы чувствовали себя, если бы на высшую политическую должность был избран человек старше 75 лет?*

Кодировка: от 10 – совершенно некомфортно до 1 – совершенно комфортно; число респондентов – 22 728.

Источник: Special Eurobarometer N 437.

Резюмируя описательные результаты, касающиеся трех различных видов воспринимаемой дискриминации: (а) в отношении пожилых людей в целом, (б) в трудные экономические времена и (в) в отношении пожилых людей, находящихся на высших политических постах, мы пришли к выводу, что рост проявлений дискриминации по возрасту более заметен во всех бывших социалистических странах, кроме Польши. Что касается Западной Европы, здесь ситуация более неоднозначна; в то время как Дания занимала антиэйджистскую позицию только по первым двум вопросам, рейтинг Великобритании или Италии напрямую зависит от конкретного вида дискриминации. Для дальнейшего углубленного изучения вопросов, связанных с эйджизмом, в следующем разделе был применен более сложный аналитический подход, основанный на многоуровневом моделировании и специфическом выборе объясняющих переменных микро- и макроуровня.

Эйджизм в ЕС: многоуровневое моделирование

В данном разделе рассматриваются индивидуальные и контекстуальные перспективы с помощью двухуровневого моделирования (уровень 1 – характеристики респондентов, уровень 2 – страновые характеристики). Такой комплексный подход позволяет показать, как переменные на индивидуальном (микро-) и страновом (макро-) уровнях влияют на возрастную дискриминацию с учетом индивидуального и регионального контекстов.

Рассматриваются два ключевых вопроса:

- Какие личные (индивидуальные) и социально-экономические (страновые) характеристики являются предикторами отношения к пожилым?
- Являются ли различия в показателях макроуровня релевантными для объяснения различий в эйджистских позициях в странах ЕС?

Предполагаемая дискриминация по признаку возраста старше 55 лет

В таблице 1 представлены результаты пяти вариантов многоуровневой регрессионной модели 1 (только средние; предикторы макроуровня; переменные микроуровня; макро- и микропеременные; окончательная модель только значимых предикторов). Зависимая переменная предсказывает восприятие дискриминации в возрасте старше 55 лет по шкале от 1 (не существует) до 5 (очень распространена). Безусловная модель (*Intercept-only*) показывает, что средняя оценка уровня дискриминации (*intercept*) равна 3,2602 (это среднее значение средних показателей дискриминации для каждой страны, а не просто средняя оценка, рассчитанная на основе ответов всех респондентов без учета страны). Коэффициент внутриклассовой корреляции (*intraclass correlation coefficient, ICC*) свидетельствует о том, что около 5,7% общей вариации воспринимаемой дискриминации в отношении лиц старше 55 лет объясняется страной рождения респондента.

В модели, содержащей только предикторы макроуровня, статистически значимым является лишь индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), т.е. с увеличением ИРЧП на одну единицу в стране отмечается снижение показателя дискриминации на $-0,1970$ (более низкая дискриминация ассоциируется с более низким показателем). При включении в модель микропредикторов величина информационного критерия Акаике (*Akaike Information Criterion, AIC*) еще больше уменьшается (что свидетельствует о более заметном улучшении модели) и указывает на существенное влияние личных характеристик для объяснения воспринимаемой дискриминации в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше. С учетом самого низкого значения *AIC* (71 822) предпочтение следует отдать последней модели – модели релевантных предикторов. Однако регрессионные модели с предикторами только микроуровня, микро- и макропредикторами или релевантными предикторами имеют почти те же величины коэффициентов, что и модели с предикторами только микроуровня, тем самым подтверждая стабильность индивидуальных маркеров.

Таблица 1. Модель со случайной константой (*random intercept*), прогнозирующая дискриминацию по признаку возраста старше 55 лет

	Безусловная модель	Модель с переменными макроуровня	Модель с переменными микроуровня	Модель со всеми переменными	Модель со всеми релевантными переменными, значимыми на уровне $p < 0,05$
Константа	3,2602	3,2604	2,8217	2,8224	2,8223
<i>Переменные микроуровня</i>					
Пол					
Мужской (<i>ref</i>)			0	0	0
Женский			0,139	0,1389	0,1388
Возраст					
15–24 (<i>ref</i>)			0	0	0
25–34			0,1996	0,2003	0,2002
35–44			0,2366	0,2375	0,2374
45–54			0,2885	0,2897	0,2896
55–64			0,3107	0,312	0,3119
65–74			0,2328	0,2344	0,2343
75+			0,1665	0,1683	0,1682
Состояние в браке					
В (повторном) браке / имеет партнера (<i>ref</i>)			0	0	0
Разведенные, разошедшиеся			0,0861	0,087	0,0869
Вдовы			0,0083	0,0081	0,008
Не состоящие в браке			0,0025	0,0035	0,0035
Социальная группа					
Средний класс (<i>ref</i>)			0	0	0
Рабочие			0,0457	0,0454	0,0455
«Нижний» средний класс			0,0217	0,0218	0,0219
«Верхний» средний класс			0,0741	0,0749	0,0747
Высший класс			–0,0533	–0,0531	–0,0534
Удовлетворенность жизнью					
Полностью удовлетворены (<i>ref</i>)			0	0	0
Вполне удовлетворены			0,1066	0,1046	0,1048
Не очень удовлетворены			0,199	0,1955	0,1958
Совсем не удовлетворены			0,3928	0,3889	0,3893
<i>Переменные макроуровня</i>					
ϵ_{55}		0,0666		0,0543	
Предполагаемый возраст начала старости		–0,0173		–0,0178	
Индекс развития человеческого потенциала		–0,197		–0,1556	–0,1187
ICC (внутриклассовый коэффициент корреляции)	0,057	0,04	0,051	0,04	0,04
AIC (информационный критерий Акаике)	72 221	72 218	71 826	71 825	71 822
N (общее число респондентов в 25 странах)	23 872	23 872	23 872	23 872	23 872

Вопрос: по вашему мнению, существует ли дискриминация тех, кто старше 55 лет? Ответы: 1 – не существует; 2 – наблюдается очень редко; 3 – наблюдается достаточно редко; 4 – достаточно распространена; 5 – очень распространена.

Примечание: коэффициенты, статистически значимые на уровне $p < 0,05$ выделены полужирным шрифтом; на уровне $p < 0,1$ – курсивом.

Источник: расчеты автора по данным Special Eurobarometer N 437.

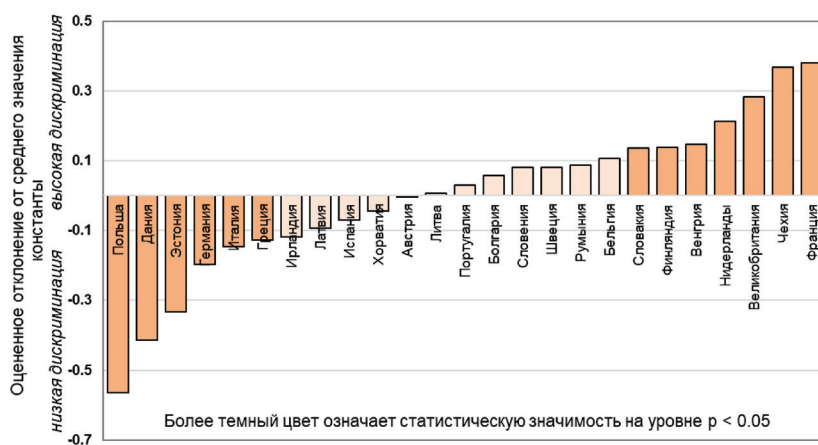
Последняя модель с статистически значимыми коэффициентами показывает, что женщины более часто воспринимают дискриминацию по возрасту (0,1388) по сравнению с мужчинами (0). Маргинализация женщин наблюдалась на протяжении всей истории, когда они имели более низкий социальный статус и находились в неблагоприятном положении на рынке труда. Даже сегодня, после корректировки с учетом остальных переменных в модели, эта дискриминация значительна. Это также позволяет сделать вывод о наличии гендерного эйджизма как различия в стереотипах и дискриминации пожилых мужчин по сравнению с пожилыми женщинами, что приводит к более быстрому ухудшению статуса пожилых женщин по сравнению с мужчинами [Krekula et al., 2018]. Этот факт объясняется сохраняющимися патриархальными нормами. С точки зрения возраста, рост воспринимаемого эйджизма наиболее заметен в 45–64 лет, т.е. в предпенсионном возрасте. Люди чаще воспринимают дискриминацию в ситуации, характеризующейся негативными стереотипами, отражающими мнение о более низкой производительности труда пожилых [Voss et al., 2018].

Теория модернизации объясняет потерю социального статуса пожилыми работниками в современном обществе из-за девальвации их результативности [Ayalon, Tesch-Römer, 2018]. Однако, начиная с 65 лет, ощущение воспринимаемой дискриминации снижается, что, вероятно, связано с более безопасным финансовым положением пенсионеров (имеющих стабильный доход – пенсию), которым больше не нужно конкурировать за средства к существованию на рынке труда и которые несут ответственность только за себя (а не за своих несовершеннолетних детей). Кроме того, пожилые люди могут также извлекать пользу из позитивных стереотипов, например, когда молодые люди считают их приветливыми и сопереживающими (*модель стереотипного контента*). Разведенные или разошедшиеся люди представляются более дискриминированными (0,0869), чем те, кто живет в паре (0). Этот результат может быть связан с более плохим состоянием здоровья разведенных (селективный эффект), что подтверждается многими исследованиями [Hank, Steinbach, 2018]. Как следствие, относительно плохое здоровья в сочетании с новым стрессом, возникшим в результате неудачного партнерства, может породить чувство маргинализации и дискриминации.

Принадлежность к высшей части среднего класса (0,0747) или рабочему классу (0,0455) по сравнению со средним классом (0) также чаще вызывает ощущение воспринимаемой дискриминации. Социальное или социально-экономическое положение влияет на общую жизнедеятельность человека, включая его физическое и психическое здоровье. Лица, имеющие более низкий социально-экономический статус или принадлежащие к низкому социальному классу, с большей вероятностью сталкиваются с ухудшением состояния здоровья и подвержены большему риску депрессии. Принадлежность к более низкому социальному классу также означает получение меньшей выгоды от образования или занятости, что в конечном итоге могло бы повысить социальную мобильность и, как следствие, улучшить личное положение [Manstead, 2018]. Люди из верхней части среднего класса могут воспринимать себя как группу между средним и высшим классом. Когда социальное расслоение становится нестабильным, члены группы могут испытывать «страх падения», страх потери своих относительных преимуществ. Этот страх может также объяснять возросшую воспринимаемую дискриминацию в верхнем среднем классе по сравнению со средним классом. В целом, в неблагоприятных условиях люди могут испытывать повышенную тревогу по поводу потери своих привилегий и, следовательно, более склонны воспринимать дискриминацию [Caricati, 2018]. Удовлетворенность жизнью имеет важное значение для прогнозирования предполагаемой дискриминации; следовательно, оно может рассматриваться в качестве общего предиктора субъективного благополучия и ассоциируется с ощущением воспринимаемой дискриминации. Люди, не удовлетворенные жизнью, могут с легкостью попасть в маргинальную группу и полагать, что дискриминация в отношении лиц в возрасте 55+ является более распространенной (0,3893), если сравнивать их с теми, кто вполне удовлетворен жизнью (0). Индекс развития человеческого потенциала был определен в качестве

единственной статистически значимой контекстуальной переменной для объяснения уровня воспринимаемой дискриминации в возрасте 55 лет и старше. Более высокий ИРЧП как показатель социального прогресса уменьшает ощущение воспринимаемой дискриминации в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше. Таким образом, социетальная модернизация (социологическая конструкция, отсылающая к глубокому экономическому, социальному и культурному переходу от традиционных обществ к современным), косвенно выраженная индексом человеческого развития, оказывает влияние на снижение эйджизма [Swift, 2018].

Рис. 6. Ранжирование стран по уровню воспринимаемой дискриминации в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше; релевантные микро- и макро- независимые переменные. *Источник:* расчеты автора.

При рассмотрении страновых различий (хотя и слабых; $ICC = 4\%$; см. последний вариант модели), как показано на рис. 6 (модель 1, уровень 2, вариант: все релевантные предикторы), мы не наблюдаем традиционно ожидаемого градиента от Запада к Востоку. Оценки отклонения от пересечения (*intercept*) показывают, что наиболее низкий уровень воспринимаемой дискриминации в отношении пожилых людей наблюдается в Польше, в то время как Франция оказалась наиболее эйджистской страной для людей в возрасте 55 лет и старше. Чехия, разделяющая как границу, так и коммунистическое прошлое с Польшей, занимает второе место по высокому уровню эйджизма и таким образом присоединяется к клубу стран с негативными стереотипами вместе с Францией, Великобританией и Нидерландами. Второе место после Польши по самому низкому уровню дискриминации по возрасту занимает Дания. *Special Eurobarometer N 296* по дискриминации, опубликованный в 2008 г., показал аналогичные результаты для Венгрии и Чехии, занимавших первое место по показателю воспринимаемой дискриминации в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше. Показатели для Франции, Великобритании и Нидерландов были выше среднего по ЕС-27¹, в то время как Ирландия и Дания продемонстрировали наименьшую воспринимаемую дискриминацию. Показатели в Польше были ниже среднего по ЕС-27. Эти выводы свидетельствуют о том, что выявить прямые связи между воспринимаемым эйджизмом по отношению к пожилым и географией, религией, культурой или уровнем экономического развития нелегко. По данным Европейского социального обследования 2008 г. [Van den Heuvel, van Santvoort, 2011], изучающего страновые различия дискриминации, испытываемой европейцами в возрасте 62 лет и старше, результаты варьировали от страны к стране. Чрезмерная испытанная

¹ Во время проведения обследования Хорватия еще не входила в состав ЕС

пожилыми дискриминация была выявлена в Чехии, Словакии, Болгарии и Греции, но не во Франции или Великобритании. Самый низкий уровень *испытанной* дискриминации по возрасту наблюдается в Швеции, Дании и Норвегии, в то время как Польша находится в середине списка. Из-за противоречивых результатов в отношении различий между странами в воспринимаемых эйджистских установках мы считаем, что поиск полного набора объясняющих причинных факторов для воспринимаемого эйджизма выходит за рамки этой статьи. Действительно, необходимо более подробно изучить контекст в каждой отдельной стране.

Потенциальная дискриминация лиц старше 55 лет во время экономического кризиса

Конкуренция за ограниченные ресурсы может привести к негативным межгрупповым отношениям или даже враждебности. В трудные времена, например, в периоды экономического кризиса, идея исключить людей старше 55 лет из программ по восстановлению экономики, таких как защита или переподготовка безработных, может показаться привлекательной. *Теория межгрупповых угроз*, или *теория межпоколенческих конфликтов*, основаны на ожиданиях того, что участие пожилых в экономике должно регулироваться или, что еще лучше, участвовать в экономике должны только молодые люди, поскольку уровень потребления пожилых ограничен. Модель 2 посвящена данной проблеме (табл. 2).

Зависимая переменная основана на вопросе о том, должны ли политические меры, направленные на преодоление экономического кризиса и содействие восстановлению экономики, исключать людей старше 55 лет. Пересечения (средние оценки дискриминации) имеют одинаковые значения для каждого варианта модели (нулевая модель; модель с предикторами макро- или микроуровня; со всеми предикторами; с релевантными предикторами). Модель, в которой используются только предикторы макроуровня (см. табл. 2), показывает, что общества, в которых средняя продолжительность жизни в возрасте 55 лет (e_{55}) выше, как правило, принимают более строгие ограничительные меры в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше. Однако если рассматривать индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), его более высокий уровень коррелирует с более низким показателем дискриминации, как это было установлено и в предыдущей модели. Этот результат является довольно неожиданным и своеобразным, поскольку, рассматривая в исследовании только коэффициент корреляции между ИРЧП и e_{55} для исследуемых стран, мы получаем значение 0,796, т.е. положительную взаимосвязь между «процветанием» и долголетием. Однако эта корреляция обеспечивается восточноевропейскими странами, где коэффициент корреляции (e_{55} на ИРЧП) равен 0,880 (более высокий ИРЧП означает более высокую e_{55}). Напротив, на Западе (определяемом как группа стран, не входивших в социалистический блок) этот коэффициент составляет $-0,311$. Эта обратная корреляция может быть объяснена более высокой продолжительностью жизни при более низком ИРЧП в Южной Европе (прежде всего в Италии и Испании), в то время как Дания или Нидерланды с высоким ИРЧП имеют более низкий по западным меркам показатель e_{55} . Эта ситуация повторяется при сопоставлении каждого показателя отдельно (ИРЧП, e_{55}) с долей людей, выражающих эйджистские взгляды во время экономического кризиса (рис. 7). Судя по коэффициенту (*slope*) регрессии, связывающей долю респондентов, согласившихся с эйджистскими мерами, и значение e_{55} , мы видим положительный коэффициент (в первую очередь, для стран Южной Европы, в большей степени затронутые безработицей), тогда как коэффициент регрессии между долей тех, кто не согласен с эйджистскими мерами, и ИРЧП, отрицателен, в первую очередь в странах Западной Европы (Дания, Германия, Нидерланды). Респонденты из Восточной Европы в большей степени остерегались (низкая корреляция) одобрять такие ограничительные инициативы. Эти результаты свидетельствуют о комплексности и сложности выбора подходящих предикторов макроуровня, которые в некоторых случаях могут быть спорными.

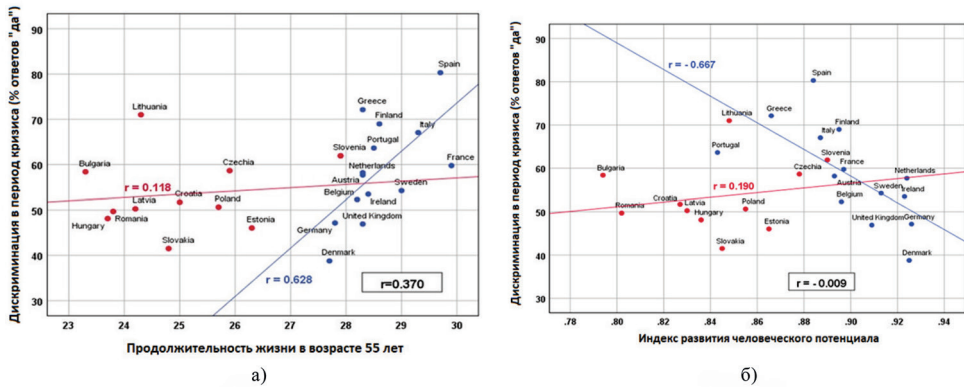
Таблица 2. Модель со случайной константой (*random intercept*), прогнозирующая дискриминацию лиц в возрасте 55 лет и старше во время экономического кризиса

	Безусловная модель	Модель с переменными макроуровня	Модель с переменными микроуровня	Модель со всеми переменными	Модель со всеми релевантными переменными, значимыми на уровне $p < 0,05$
Константа	2,5561	2,5562	2,431	2,4317	2,4315
<i>Переменные микроуровня</i>					
Пол					
Мужской (<i>ref</i>)			0	0	0
Женский			0,0776	0,0777	0,0777
Возраст					
15–24 (<i>ref</i>)			0	0	0
25–34			0,0254	0,025	0,0253
35–44			–0,0055	–0,0061	–0,0057
45–54			0,0182	0,0175	0,018
55–64			0,0686	0,0678	0,0685
65–74			0,046	0,0449	0,0456
75+			0,0526	0,0516	0,0522
Состояние в браке					
В (повторном) браке / имеет партнера (<i>ref</i>)			0	0	0
Разведенные, разошедшиеся			–0,0035	–0,0028	–0,0029
Вдовы			–0,0655	–0,0646	–0,0647
Не состоящие в браке			0,024	0,0237	0,0239
Социальная группа					
Средний класс (<i>ref</i>)			0	0	0
Рабочие			0,0479	0,0481	0,0477
«Нижний» средний класс			0,0394	0,0398	0,0392
«Верхний» средний класс			–0,0153	–0,0158	–0,0151
Высший класс			–0,1475	–0,1468	–0,1459
Удовлетворенность жизнью					
Полностью удовлетворены (<i>ref</i>)			0	0	0
Вполне удовлетворены			0,0288	0,0287	0,0284
Не очень удовлетворены			0,0896	0,089	0,0889
Совсем не удовлетворены			0,1737	0,173	0,1728
<i>Переменные макроуровня</i>					
ϵ_{55}		0,2044		0,1913	0,2573
Предполагаемый возраст начала старости		0,0707		0,0741	
Индекс развития человеческого потенциала		–0,1997		–0,1752	–0,2011
ICC (внутриклассовый коэффициент корреляции)	0,053	0,024	0,051	0,023	0,027
AIC (информационный критерий Акаике)	61 181	61 167	61 103	61 089	61 090
<i>N</i> (общее число респондентов в 25 странах)	22 421	22 421	22 421	22 421	22 421

Вопрос: Считаете ли вы, что меры по борьбе с экономическим кризисом и политика содействия преодолению кризиса игнорируют людей в возрасте 55 лет и старше?

Ответы: 1 – Определенно нет; 2 – Нет, не совсем; 3 – Да, в некоторой степени; 4 – Определенно да.

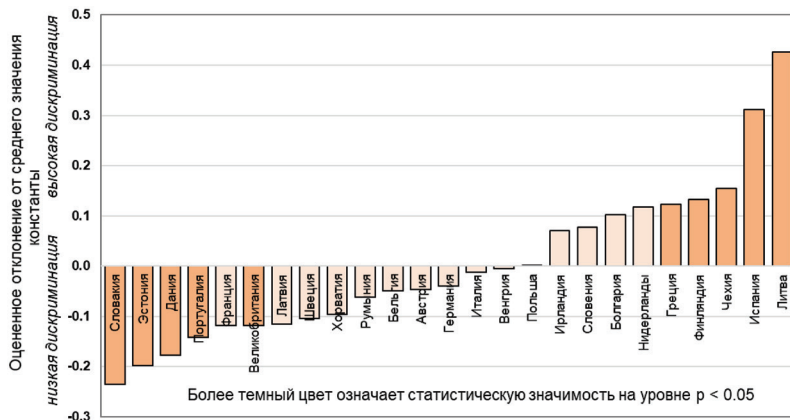
Примечание: коэффициенты, статистически значимые на уровне $p < 0,05$, выделены **полужирным шрифтом**, на уровне $p < 0,1$ – *курсивом*. Источник: расчеты автора по данным Special Eurobarometer N 437.

Рис. 7. Диаграмма дискриминации людей старше 55 лет во время экономических кризисов в зависимости от: а) ожидаемой продолжительности жизни в 55 лет; б) ИРЧП

Примечание: дискриминация определяется как процент ответов 3 (да, в некоторой степени) + 4 (да, определенно).

Таблица 2 (вариант модели с релевантными предикторами) показывает, что женщины в большей степени подвержены потенциальной дискриминации (0,0777) в беспокойное время, чем мужчины. Что касается возраста, то ограничительные меры, вероятнее всего, затронут только лиц предпенсионного возраста (55–64 года), в то время как коэффициенты регрессии для других возрастных групп не являются статистически значимыми. Возрастной профиль воспринимаемого эйджизма в этой модели (см. табл. 2) отличается от оцененного с помощью предыдущей модели (см. табл. 1). В модели 2 показаны две уязвимые возрастные группы, затрагиваемые потенциальными эйджистскими мерами: 25–34 года (хотя и в незначительной степени) и 55–64 года. Пожилые работники, как правило, гораздо больше представлены в секторах государственного управления, здравоохранения и образования и поэтому могут в большей степени испытать на себе последствия нынешнего и будущего сокращения государственных расходов [Eurofond, 2012]. В отличие от предыдущей модели, овдовевшие люди в большей степени подвержены риску стать жертвами ограничительных мер во время экономического кризиса. Кроме того, люди из низших классов в большей сте-

Рис. 8. Ранжирование стран по признаку дискриминации в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше во время экономического кризиса; релевантные микро- и макро- независимые переменные
Источник: расчеты автора.

пени подвержены риску безработицы, а их семьи в большей степени страдают от экономического спада из-за меньшего размера сбережений. Неудивительно, что люди из более низких социальных классов склонны соглашаться с мерами, направленными против людей в возрасте 55 лет и старше. Аналогичный градиент наблюдается и в отношении удовлетворенности жизнью: чем меньше люди удовлетворены жизнью, тем больше они выступают за социально-экономические ограничения в отношении пожилых.

На рисунке 8 показано ранжирование стран в соответствии с утверждениями респондентов об ограничительных мерах в отношении лиц в возрасте 55 лет и старше во время экономического кризиса. Дискриминационные взгляды наблюдаются в Литве, Испании, Чехии и Финляндии, тогда как в Словакии, Эстонии и Дании люди не склоняются к принятию специальных мер, направленных на исключение пожилых людей в экономически трудные времена.

Дискриминация по возрасту при выборах на высокий политический пост

Принимать во внимание возрастные изменения в когнитивной функции особенно важно, когда речь идет о государственных или политических постах с высокой ответственностью. Очевидно, что изменения в структуре и функционировании мозга влияют на когнитивные функции по мере старения [Glisky, 2007]. Наиболее важные изменения в мыслительном процессе происходят в области выполнения задач, требующих быстрой обработки информации и последующего принятия правильных решений. Высокопроизводительная, исполнительная когнитивная функция очень важна для решения новаторских задач [Murgan, 2015]. Основная причина возрастного дефицита когнитивных способностей связана с рабочей памятью. Рабочая память имеет важное значение для рассуждений, руководства процессом принятия решений и поведения, она позволяет эффективно использовать накопленную информацию. Проблемы при решении задач, требующих высокой концентрации и разделения внимания, возникают по мере старения, а это означает, что пожилые люди часто страдают от нарушения рабочей памяти [Glisky, 2007].

В обществе люди играют различные роли и обладают разной властью. Положительные личные межгрупповые отношения, скорее всего, приведут к уменьшению числа стереотипов в отношении внешних групп. Однако в целом люди более благосклонно относятся к представителям собственных возрастных групп. В таблице 3, помимо прочего, показано, насколько благосклонно представители различных возрастных групп относятся к тому, что люди в возрасте 75+ занимают самые высокие политические посты. Удивляет, что чем старше респонденты, тем меньше они готовы голосовать за политика в возрасте 75 лет и старше.

Самые высокие коэффициенты несогласия встречаются в возрасте 55–64 (0,8073) и 65–74 (0,6736). Похоже, что для молодежи этот вопрос представляется неважным. Эти результаты противоречат *теории социальной идентичности*, утверждающей, что люди идентифицируют себя с собственной группой и с большей вероятностью защищают ее статус. Женщины менее благосклонно (0,1161) относятся к пожилым политическим деятелям, чем мужчины (см. табл. 3, вариант со всеми релевантными предикторами). Разведенные, представители социальных групп с низким статусом (рабочие и «низший» средний класс), а также люди с низким уровнем удовлетворенности жизнью не очень хотят видеть человека старше 75 лет на высших выборных политических должностях. Модель также показывает, что население с более низкой ожидаемой продолжительностью жизни в возрасте 55 лет будет менее доволно (-0,5306) тем, что высокую государственную должность занимает пожилой человек. Этот результат может быть связан с тем, что чем ниже значение e_{55} в населении в целом, тем короче, по оценкам людей, будет длительность периода их предстоящей здоровой жизни [Robine, Cambois, 2013], поэтому они могут более скептически относиться к состоянию здоровья пожилых политиков.

Таблица 3. Модель со случайной константой (*random intercept*), прогнозирующая предвзятое отношение к высокопоставленным должностным лицам пожилого возраста

Показатели	Безусловная модель	Модель с переменными макроуровня	Модель с переменными микроуровня	Модель со всеми переменными	Модель со всеми релевантными переменными, значимыми на уровне $p < 0,05$
Константа	5,2153	5,2152	4,6079	4,6075	4,6086
<i>Переменные микроуровня</i>					
Пол					
Мужской (<i>ref</i>)			0	0	0
Женский			0,1164	0,1162	0,1161
Возраст					
15–24 (<i>ref</i>)			0	0	0
25–34			0,0707	0,071	0,0718
35–44			0,1395	0,14	0,141
45–54			0,3972	0,398	0,3992
55–64			0,8051	0,8059	0,8073
65–74			0,6707	0,6721	0,6736
75+			0,504	0,5063	0,5078
Состояние в браке					
В (повторном) браке / имеет партнера (<i>ref</i>)			0	0	0
Разведенные, разошедшиеся			0,2298	0,2308	0,2315
Вдовы			–0,0343	–0,0353	–0,035
Не состоящие в браке			0,0323	0,0334	0,0342
Социальная группа					
Средний класс (<i>ref</i>)			0	0	0
Рабочие			0,2463	0,2459	0,2453
«Нижний» средний класс			0,1265	0,1267	0,1264
«Верхний» средний класс			–0,1727	–0,1723	–0,1714
Высший класс			0,2743	0,2723	0,2735
Удовлетворенность жизнью					
Полностью удовлетворены (<i>ref</i>)			0	0	0
Вполне удовлетворены			–0,0052	–0,0056	–0,0079
Не очень удовлетворены			0,1609	0,1594	0,1558
Совсем не удовлетворены			0,2956	0,2944	0,2902
<i>Переменные макроуровня</i>					
ϵ_{25}		–0,9759		–0,9787	–0,5306
Предполагаемый возраст начала старости		0,1378		0,1321	
Индекс развития человеческого потенциала		0,4331		0,4617	
ICC (внутриклассовый коэффициент корреляции)	0,104	0,074	0,103	0,073	0,08
AIC (информационный критерий Акаике)	115 969	115 965	115 706	115 703	115 701
N (общее число респондентов в 25 странах)	22 728	22 728	22 728	22 728	22 728

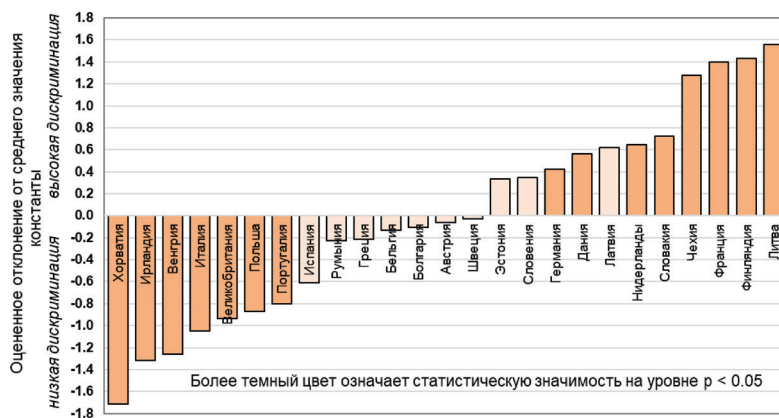
Вопрос: По шкале от 1 до 10, пожалуйста, оцените, как бы вы чувствовали себя, если бы на высшую политическую должность был избран человек старше 75 лет?

Ответы: От 10 (совершенно некомфортно) до 1 (совершенно комфортно).

Примечание: коэффициенты, статистически значимые на уровне $p < 0,05$, выделены полужирным шрифтом, на уровне $p < 0,1$ – курсивом.

Источник: расчеты автора по данным Special Eurobarometer N 437.

На рисунке 9 показаны значительные различия между странами. Политические деятели старше 75 лет с меньшим энтузиазмом принимаются в Литве, Финляндии, Франции, Чехии, Словакии и Нидерландах. Однако для Хорватии, Ирландии, Венгрии, Италии, Великобритании, Польши и Португалии пожилой политический деятель вполне приемлем. ИСС, составляющий 8%, подтверждает более существенную страновую вариацию по данному вопросу по сравнению с предыдущими двумя моделями.

Рис. 9. Ранжирование стран по показателям с дискриминацией в отношении лиц старше 75 лет в качестве высшего политического должностного лица; релевантные микро- и макро- независимые переменные. *Источник:* оценки автора.

Выводы

Старение населения – глобальный феномен XXI в. – коснется каждого. Глядя сегодня на 25 изученных в данной статье стран, можно заметить, что по доле пожилых людей бывшие социалистические страны (с более молодой возрастной структурой) и Южная Европа, где население намного старше, находятся на противоположных концах шкалы. Однако картина несколько неоднозначна, поскольку Латвия и Болгария, из-за очень низких уровней рождаемости, уже относятся к странам со «старым населением». Обе страны, вероятно, являются примером того, что ждет остальные постсоциалистические страны, поскольку, по прогнозам, их население также будет быстро стареть в результате значительного снижения рождаемости.

В контексте нынешнего и будущего неравномерного старения населения во всем мире дискриминация по признаку старости – эйджизм – может несколькими способами повлиять на социальную сплоченность, здоровье и благополучие европейских обществ. Однако представленное в статье исследование воспринимаемой дискриминации в трех различных областях показало, что в данном контексте не отмечено традиционного расхождения между Востоком и Западом. Чехия является единственной восточноевропейской страной, демонстрирующей укоренившееся дискриминационное отношение к пожилым во всех трех рассмотренных областях. При этом граждане Польши гораздо реже воспринимают дискриминацию по возрасту в целом и считают приемлемым избрание пожилого человека на высокий политический пост. В отличие от Польши Словакия не поддерживает дискриминационные меры в отношении пожилых людей во время экономического кризиса. На Западе, в Нидерландах и Финляндии, отмечается дискриминация по возрасту во всех трех вопросах, в то время как во Франции эйджизм отмечается по вопросу о воспринимаемой дискриминации в целом и вопросу об избрании лиц в возрасте 75 лет и старше на высшие политические должности.

Регрессионный анализ показал, что влияние личностных характеристик на воспринимаемый эйджизм гораздо более значимо, чем страновые контексты. Женщины воспринимают эйджизм во всех трех моделях гораздо сильнее по сравнению с мужчинами. Можно было бы предположить, что чем выше хронологический возраст, тем сильнее индивид будет чувствовать проявления эйджизма. Однако это в основном характерно для лиц в предпенсионном возрасте в отношении восприятия эйджизма в целом; эта возрастная специфика усиливается во время экономического кризиса. Лица, принадлежащие к социальным группам с высоким статусом, и лица, состоящие в партнерских отношениях, как правило, имеют более высокую удовлетворенность жизнью, что проявляется в уменьшении предрасположенности или восприимчивости к эйджизму.

Данные Eurobarometer N 437, относящиеся к воспринимаемому эйджизму, предоставляя основу для понимания отношения людей в трех областях проявления эйджизма (в целом, в трудные времена и в политике) с учетом индивидуальных особенностей и странового контекста. Влияние пола, возраста или благополучия в определенной степени свидетельствует о схожих направлениях, уже представленных в исследованиях ESS (*European Social Survey*). Однако наши выводы ставят под сомнение часто упоминаемый градиент Восток–Запад, поскольку географическое распределение воспринимаемого эйджизма скорее неоднозначно.

Исследования такого рода, объединяющие микро- и макропоказатели, имеют важное и длительное значение, поскольку они не только предоставляют информацию о возможной изоляции и отчуждении людей в пожилом возрасте, но и могут помочь в разработке специфической для каждой страны политики по обеспечению равенства возрастов. Эти выводы могут также обозначать возможности для изменения негативных представлений или стигматизации старения, которое в итоге затронет всех и каждого. Дальнейшие перспективы исследования могут состоять в более детальном изучении различий между странами, находящимися на противоположных концах географической шкалы эйджизма (сравнение Чехии с Польшей или Финляндии с Данией), однако это выходит за рамки данной статьи.

Исследование проводилось при поддержке Научного фонда Чехии, проект GA ČR No.18-12166S

Список литературы

- Abrams, D., Vauclair, Ch.M., and Swift, H. (2011). Predictors of attitudes to age across Europe. Department for Work and pensions, Research Report No 735, 90p.
- Ageing Demographic Data Sheet 2018. IIASA: Laxenburg, Austria http://www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/PublicationsMediaCoverage/ModelsData/AgingDemDataSheet2018_web.pdf
- Ayalon L., Tesch-Römer C. (2018) Introduction to the Section: Ageism—Concept and Origins. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, vol 19. Springer https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-73820-8_1.pdf
- Bell, B.A., Ene, M., Smiley, W., Schoeneberger, J.A. (2013). A Multilevel Model Primer Using SAS® PROC MIXED. SAS *Global Forum 2013*, Paper 433-2013, 19 p. <https://support.sas.com/resources/papers/proceedings13/433-2013.pdf>
- Butler, R. N. (1969). Ageism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*, 9(4): 243–246.
- Butler, R. N. (1980). Ageism: A foreword. *Journal of Social Issues*, 36(2): 8–11
- Caricati, L. (2018) Considering intermediate — status groups in intergroup hierarchies: A theory of triadic social stratification. *Journal of Theoretical Social Psychology*, 2: 58–66 <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/jts5.19>
- Cuddy A., Norton, M., & Fiske, S. (2005). This old stereotype: The pervasiveness and persistence of the elderly stereotype. *Journal of Social Issues*, 61(2): 267–285.
- Dannefer D., Shura R. (2009) *Experience, Social Structure and Later Life: Meaning and Old Age in an Aging Society*. In: Uhlenberg P. (eds) *International Handbook of Population Aging*. International Handbooks of Population, vol 1. Springer, Dordrecht, 747–755
- Eurofond (2012) Employment trends and policies for older workers in the recession. 12p. <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2012/labour-market-social-policies/employment-trends-and-policies-for-older-workers-in-the-recession>
- European Social Survey (Ageism (ESS4 2008) <https://www.europeansocialsurvey.org/data/themes.html?t=ageism>

- Experiences and Expressions of Ageism: Module template with background information, survey questions. 27p. https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round4/questionnaire/ESS4_final_ageism_module_template.pdf
- Fiske, S.T., Cuddy, A.J.C., Glick, P., Jun Xu (2002). A model of (Often Mixed) Stereotype Content: Competence and Warmth Respectively Follow from Perceived Status and Competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6): 878–902. https://cos.gatech.edu/facultyes/Diversity_Studies/Fiske_StereotypeContent.pdf
- Ghishlandi S, Sanderson WC, Scherbov S (2018), A Simple Measure of Human Development: the Human Life Indicator *Population and Development Review*, 45(1): 219–233 <http://www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/Reaging/HLL.html>
- Glisky, E.L. (2007). *Changes in Cognitive Function in Human Aging*. In: Riddle DR. (eds.) *Brain Aging: Models, Methods, and Mechanisms*. Boca Raton (FL): CRC Press/Taylor & Francis. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK3885/#ch1.r11>
- Green, M. J., Benzeval, M. (2010). Ageing, social class and common mental disorders: longitudinal evidence from three cohorts in the West of Scotland. *Psychological medicine*, 41(3): 565–574.
- Hagestad, G.O., Uhlenberg, P. (2006). Should We Be Concerned About Age Segregation? *Research on Aging* 28(6): 638–653
- www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/Reaging/HLL.html
- Hank K., Steinbach A. (2018) Families and Health: A Review. In: Doblhammer G., Gumà J. (eds) *A Demographic Perspective on Gender, Family and Health in Europe*. Springer, Cham https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-72356-3_3#citeas
- Kim, H., Kang, H. (2017). The influence of ageism on life satisfaction of older adults. *Innovation in Aging*, 1 (Suppl 1): 116–117.
- Kotter-Grühn, D. (2015). Changing negative views of aging: Implications for intervention and translational research. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, 35: 167–186.
- Levy, B. (2009). Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging. *Current Directions in Psychological Science*, 18(6): 332–336 <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2927354/pdf/nihms155298.pdf>
- Krekula C., Nikander P., Wilińska M. (2018) Multiple Marginalizations Based on Age: Gendered Ageism and Beyond. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism*. International Perspectives on Aging, vol 19. Springer, Cham https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_3#citeas
- Levy, B. (2003). Mind Matters: Cognitive and Physical Effects of Aging Self-Stereotypes, Series B, 58(4). <https://academic.oup.com/psychogerontology/article/58/4/P203/523293>
- Livi-Bacci M. (2001) *A Concise History of World Population*. Wiley-Blackwell; 3 edition, 286 p.
- Löckenhoff CE, De Fruyt F, Terracciano A, et al. (2009) Perceptions of aging across 26 cultures and their culture-level associates. *Psychol Aging*. 24(4): 941–954. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2933107/pdf/nihms-215302.pdf>
- Loos E., Ivan L. (2018) Visual Ageism in the Media. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism*. *International Perspectives on Aging*, vol 19. Springer, Cham. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_11
- Manstead A. S. R. (2018) The psychology of social class: How socioeconomic status impacts thought, feelings, and behaviour. *British Journal of Social Psychology* (2018), 57: 267–291.
- Marques S., Swift H.J., Vaclair Ch.M., Lima M.L., Bratt, Ch., Abrams D. (2015) 'Being old and ill' across different countries: Social status, age identification and older people's subjective health, *Psychology & Health*, 30(6): 699–714. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/08870446.2014.938742>
- Meslé F., Vallin, J. (2000) Transition sanitaire: Tendances et perspectives. *Médecine/science*. 16(1): 1161–1171. http://www.ipubli.inserm.fr/bitstream/handle/10608/1549/2000_11_1161.pdf?sequence=6
- Monnier, A. (2006). *Démographie contemporaine de l'Europe*. Armand Colin, 415p.
- Mullan, P. (2002) *The Imaginary Time Bomb: Why an Ageing Population is Not a Social Problem*. I.B. Tauris; New edition, 239p.
- Murman D. L. (2015). The Impact of Age on Cognition. *Seminars in hearing*, 36(3): 111–121. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4906299/>
- Nelson T. (2005). Ageism: Prejudice against our feared future self. *Journal of Social Issues*, 61(2): 207–221.
- North, M.S., Fiske, T. (2013). A Prescriptive, Intergenerational-Tension Ageism Scale: Succession, Identity, and Consumption (SIC). *Psychol Assessment*, 25(3): 706–713 <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3912745/pdf/nihms-548084.pdf>
- Palmore, E. (1999), *Ageism: Negative and Positive*, 2nd Edition, Springer, 280p.
- Pasupathi, M., Löckenhoff, C. (2002). Ageist behaviour. In T. Nelson (Ed.), *Ageism: Stereotyping and Prejudice Against Older Persons* (201–246). Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Robine, J.M., Cambois, E. (2013). Healthy life expectancy in Europe. *Population & Societies*, 499, 4 p. <https://www.ined.fr/en/publications/editions/population-and-societies/healthy-life-expectancy-europe/>
- Sanderson WC., Scherbov, S. (2007). A new perspective on population aging. *Demographic Research* 16(2): 27–58. <https://www.demographic-research.org/volumes/vol16/2/16-2.pdf>
- Sanderson WC, Scherbov S (2008). Rethinking Age and Aging. *Population Bulletin* 63(4): 1–16. <http://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/8470/>
- Sanderson WC., Scherbov, S. (2015). Faster Increases in Human Life Expectancy Could Lead to Slower Population Aging. *PLoS ONE*, 10(4): e0121922. <http://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/11473/>

- Singer, J. (1998). Using SAS PROC MIXED to Fit Multilevel Models, Hierarchical Models, and Individual Growth Models. *Journal of Educational and Behavioral Statistics*, 23(4): 323-355. <https://www.ida.liu.se/~732G34/info/singer.pdf>
- Shiovitz-Ezra S., Shemesh J., McDonnell/Naughton M. (2018) Pathways from Ageism to Loneliness. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, vol 19. Springer, Cham https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_9#citeas
- Stypińska J., Nikander P. (2018) Ageism and Age Discrimination in the Labour Market: A Macrostructural Perspective. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, vol 19. Springer, Cham https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_6
- Swift H.J., Abrams D., Marques S., Vauclair CM., Bratt C., Lima ML. (2018) Ageism in the European Region: Finding from the European Social Survey. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, vol 19. Springer. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_27
- The 2018 Ageing Report, Economic & Budgetary Projections for the 28 EU Member States (2016-2070), European Economy Institutional Papers, European Commission https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip079_en.pdf
- United Nations, World Population Prospects 2019. [https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Interpolated/Vauclair.Ch.M.,Lima.M.L.,Abrams.D.,Swift.H.J.,Bratt.Ch.\(2016\),WhatDoOlderPeopleThinkThatOthersThinkofThem,andDoesItMatter?TheRoleofMeta-PerceptionsandSocialNormsinthePredictionofPerceivedAgeDiscrimination.PsychologyandAging,31\(7\):699-710.https://www.academia.edu/38092672/WhatDoOlderPeopleThinkThatOthersThinkofThemandDoesItMatterTheRoleofMeta-PerceptionsandSocialNormsinthePredictionofPerceivedAgeDiscrimination](https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Interpolated/Vauclair.Ch.M.,Lima.M.L.,Abrams.D.,Swift.H.J.,Bratt.Ch.(2016),WhatDoOlderPeopleThinkThatOthersThinkofThem,andDoesItMatter?TheRoleofMeta-PerceptionsandSocialNormsinthePredictionofPerceivedAgeDiscrimination.PsychologyandAging,31(7):699-710.https://www.academia.edu/38092672/WhatDoOlderPeopleThinkThatOthersThinkofThemandDoesItMatterTheRoleofMeta-PerceptionsandSocialNormsinthePredictionofPerceivedAgeDiscrimination)
- van den Heuvel, W. J., & van Santvoort, M. M. (2011). Experienced discrimination amongst European old citizens. *European journal of ageing*, 8(4): 291–299. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3225618/>
- Voss P., Bodner E., Rothermund K. (2018) Ageism: The Relationship between Age Stereotypes and Age Discrimination. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, vol 19. Springer, Cham https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-73820-8_2#citeas

DATA SOURCES:

- Human Mortality Database. <https://www.mortality.org/>
- EUROSTAT Database. <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
- EUROSTAT, Gini coefficient of equivalised disposable income - EU-SILC survey (ilc_di12) http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12&lang=en
- Special Eurobarometer 296. Discrimination in the European Union: Perceptions, Experiences and Attitudes (2008). https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_296_en.pdf
- Special Eurobarometer 378/EB76.2. Active Ageing, (2012). https://data.europa.eu/euodp/cs/data/dataset/S1002_76_2_EBS378
- Special Eurobarometer 437/EB83.4 Discrimination in the EU in 2015, (2015). https://data.europa.eu/euodp/data/dataset/S2077_83_4_437_ENG
- Unemployment statistics, Statistics explained, EUROSTAT, 2019 https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Unemployment_statistics#Longer-term_unemployment_trends
- Human Development Report 2016, UNDP, NY 10017 USA http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf

ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ:

- Human Mortality Database. <https://www.mortality.org/>
- EUROSTAT Database. <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
- EUROSTAT, Gini coefficient of equivalised disposable income - EU-SILC survey [ilc_di12] http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12&lang=en
- Special Eurobarometer 296. Discrimination in the European Union: Perceptions, Experiences and Attitudes (2008). https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_296_en.pdf
- Special Eurobarometer 378/EB76.2. Active Ageing, (2012). https://data.europa.eu/euodp/cs/data/dataset/S1002_76_2_EBS378
- Special Eurobarometer 437/EB83.4 Discrimination in the EU in 2015, (2015). https://data.europa.eu/euodp/data/dataset/S2077_83_4_437_ENG
- Unemployment statistics, Statistics explained, EUROSTAT, 2019 https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Unemployment_statistics#Longer-term_unemployment_trends
- Human Development Report 2016, UNDP, NY 10017 USA http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf

Сведения об авторе

- Итка Рыхтаржикова, PhD, профессор кафедры демографии и геодемографии Карлова университета. E-mail: rychta@natur.cuni.cz

Приложение 1. Макро-показатели для изучаемых стран *)

Страна	Макро-регион	Средняя продолжительность жизни в возрасте 55 лет (e_{55}) для обоих полов, 2015	Предполагаемое начало старости, 2012	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), 2015
Австрия	W	28.3	61.9	0.893
Бельгия	W	28.2	67.9	0.896
Болгария	E	23.3	63.8	0.794
Хорватия	E	25.0	62.9	0.827
Чехия	E	25.9	59.5	0.878
Дания	W	27.7	64.3	0.925
Эстония	E	26.3	62.4	0.865
Финляндия	W	28.6	65.2	0.895
Франция	W	29.9	65.9	0.897
Германия	W	27.8	60.1	0.926
Греция	W	28.3	65.7	0.866
Венгрия	E	23.7	58.0	0.836
Ирландия	W	28.4	64.2	0.923
Италия	W	29.3	67.6	0.887
Латвия	E	24.2	61.5	0.830
Литва	E	24.3	65.3	0.848
Нидерланды	W	28.3	70.4	0.924
Польша	E	25.7	62.8	0.855
Португалия	W	28.5	67.9	0.843
Румыния	E	23.8	60.5	0.802
Словакия	E	24.8	57.7	0.845
Словения	E	27.9	66.4	0.890
Испания	W	29.7	65.5	0.884
Швеция	W	29.0	66.6	0.913
Соединенное Королевство	W	28.3	61.9	0.909
Источники:	e_{55} в 2015 г.	Human Mortality Database		
	Предполагаемый возраст начала старости	Special Eurobarometer N 378/EB76.2.		
	ИРЧП	Human Development Report 2016, p.198		

*) страны в таблице ранжированы по их названиям в латинской транскрипции

Приложение 2. Описательная статистика^{*)}

Country	Макро-регион	Число респондентов						Среднее значение кодов			Мужчины			Женщины		
		N	NI	N2	N3	1	2	3	MA1	MA2	MA3	MA1	MA2	MA3		
Австрия	W	1035	965	921	814	3.17	2.55	4.71	47.5	48.1	47.2	46.8	46.8	46.8		
Бельгия	W	1012	915	889	920	3.28	2.52	4.76	55.3	55.1	55.4	52.5	52.5	52.7		
Болгария	E	1058	919	827	835	3.64	2.66	6.16	49.5	49.7	49.4	49.6	49.4	49.5		
Хорватия	E	1003	944	866	922	3.35	2.45	3.91	45.2	45.0	45.1	44.9	44.9	44.9		
Чехия	E	1008	934	890	877	3.64	2.55	6.76	46.0	45.6	46.2	48.4	48.3	48.4		
Дания	W	1016	946	900	906	2.61	2.15	5.58	55.8	55.5	56.1	54.8	55.1	55.0		
Эстония	E	1018	808	747	712	2.97	2.32	5.78	51.3	51.1	51.5	55.3	55.7	55.9		
Финляндия	W	1004	936	864	865	3.31	2.76	6.28	53.9	53.6	55.0	53.5	53.5	54.4		
Франция	W	1000	920	850	941	3.57	2.67	5.87	52.3	52.7	52.8	51.0	51.0	51.0		
Германия	W	1513	1400	1323	1251	2.86	2.33	5.41	52.2	52.2	52.2	51.5	51.4	51.8		
Греция	W	1009	955	940	943	3.21	2.92	4.71	45.8	46.1	45.9	48.6	48.5	48.8		
Венгрия	E	1051	990	964	945	3.57	2.36	4.84	48.9	48.9	48.8	51.1	51.7	51.4		
Ирландия	W	1004	932	890	928	2.95	2.53	3.49	49.0	49.1	48.5	47.1	47.4	47.2		
Италия	W	1040	956	932	872	3.09	2.76	3.50	48.2	47.7	48.9	47.0	47.3	47.5		
Латвия	E	1003	845	728	831	3.34	2.33	6.62	46.1	46.8	45.6	50.1	49.6	50.4		
Литва	E	1004	943	852	944	3.37	2.81	7.53	46.4	46.0	46.9	54.3	53.5	54.8		
Нидерланды	W	1008	929	922	929	3.29	2.54	5.50	53.2	53.5	53.7	52.4	52.7	52.6		
Польша	E	1005	864	768	863	2.73	2.49	4.60	46.5	47.0	46.7	47.1	46.7	47.9		
Португалия	W	1005	904	861	793	3.45	2.79	4.14	48.9	49.1	48.8	49.5	49.1	49.2		
Румыния	E	1012	909	831	851	3.59	2.48	5.78	45.5	45.1	45.6	47.1	46.3	48.0		
Словакия	E	1016	929	896	855	3.52	2.20	6.52	49.2	49.1	49.9	50.0	50.2	50.4		
Словения	E	1019	903	838	833	3.29	2.66	5.34	49.9	49.5	49.2	51.1	50.8	50.9		
Испания	W	1000	954	919	887	3.15	3.17	3.92	48.7	48.2	49.2	49.0	48.4	49.3		
Швеция	W	1066	983	929	1005	3.17	2.46	4.66	54.4	54.4	54.1	58.4	58.6	57.7		
Соединенное Королевство	W	1306	1189	1074	1206	3.40	2.41	4.02	50.6	50.4	50.5	51.5	51.3	51.5		
Всего		26215	23872	22421	22728											

*) страны в таблице ранжированы по их названиям в латинской транскрипции

Приложение 2. Продолжение

Примечания:	N	Число респондентов в исходном файле с данными
	N1	Число респондентов в модели 1
	N2	Число респондентов в модели 2
	N3	Число респондентов в модели 3
Среднее значение кода	Вопрос 1	По вашему мнению, в вашей стране дискриминация тех, кто старше 55 лет очень распространена, достаточно распространена, достаточно редка или очень редка? Коды: 5 = очень распространена; 4 = достаточно распространена; 3 = наблюдается достаточно редко; 2 = наблюдается очень редко; 1 = не существует
	Вопрос 2	Считаете ли вы, что меры по борьбе с экономическим кризисом и политика содействия преодолению кризиса игнорируют людей в возрасте 55 лет и старше? Коды: 4=Определенно да; 3=Да, в некоторой степени; 2=Нет, не совсем; 1=Определенно нет.
	Вопрос 3	По шкале от 1 до 10, пожалуйста, оцените, как бы вы чувствовали себя, если бы на высшую политическую должность был избран человек старше 75 лет? Коды: От 10 (совершенно некомфортно) до 1 (совершенно комфортно)
Средний возраст респондентов	MA1	В модели 1
	MA2	В модели 2
	MA3	В модели 3